

Вслѣдъ за этою рѣчью пропѣтъ былъ сонмомъ духовенства умильтельный копкадь „Со святимы упокой“. Отпѣваніе приближалось къ концу. По прочтеніи евангелія учепикомъ V класса духовной семинаріи А. Ворояцовъ мь произнесена была слѣдующая надгробная рѣчь:

„Незабвенный, дорогой наставникъ!

„Вотъ, и надъ тобой сбылось непреложное, грозное слово суда Божія: „Земля еси и въ землю отидеши“ (Быт. III, 19). И для тебя настала неизбежный для всѣхъ людей часть—явиться предъ Велиценріативнымъ Судією — Богомъ и отдать Ему отчетъ во всей своей жизни. Предъ нами гробъ, въ которомъ скрыта только брѣвная, бездыханная оболочка твоей свѣтлой, дорогой для насъ души; не услышимъ мы болѣе твоего ласковаго голоса, которымъ ты еще недавно такъ привѣливо отзывался на наши рѣчи; не увидимъ болѣе твоего яснаго взора, которымъ ты, бывало, съ такою любовію и добродушіемъ смотрѣлъ на насъ, учениковъ твоихъ. Хотѣлось-бы оказать тебѣ послѣдній знакъ христіанской любви—воздать послѣднее цѣлованіе твоему бездыханному тѣлу; но и этого не судилъ намъ Господь. Позволь-же хотя слабымъ словомъ воздать тебѣ послѣднюю дань уваженія и хотя въ немногихъ словахъ вспомнить то, чѣмъ ты былъ для насъ дорогъ, и чего лишила насъ твоя смерть, такъ рано и такъ безжалостно похитившая тебя.

„Воспитанный въ своей родной семьѣ, подъ вліяніемъ разумной родственной любви и ласки, ты глубоко понималъ наши юныя, еще не окрѣпшія души. Ты всегда съ любовію отзывался на наши вопросы, даже и на тѣ, которые не касались преподаваемой тобою науки; къ нашимъ недоумѣніямъ, которыя мы откровенно высказывали тебѣ, ты относился съ полнымъ вниманіемъ и старался разрѣшить ихъ для нашихъ еще колеблющихся умовъ. Въ то же время ты съ любовію оставался и остерегалъ насъ, если въ своихъ вопросахъ мы выходили изъ должныхъ границъ; одного ласковаго слова: „довольно, будетъ“,—съ которымъ ты обращался къ намъ въ такихъ случаяхъ,— было достаточно для того, чтобы вернуть насъ къ сознанію своихъ обязанностей. Правда, иногда мы были виноваты предъ тобой въ томъ, что, по своей несдержанности, злоупотребляли твоимъ добродушнымъ обращеніемъ съ нами и допускали лишнія, иногда смѣлыя слова и поступки по отношенію къ тебѣ. Конечно, эти неумѣстныя наши выходки иногда причивали тебѣ и огорченія; но ты, имѣя полную возможность отплатить и отомстить намъ, никогда не дѣлалъ этого.

„Но довольно говорить.... Еще многое можно было-бы сказать; но усопшему не нужны похвальныя рѣчи живыхъ: онъ самъ, или устами его Святая Церковь призываетъ насъ теперь только плакать и молиться о немъ: „Восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродници и знаоміи... Прому всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу“. А живыхъ, скорбящихъ

объ утратѣ, не утѣшить слово человѣческое; всякое новое напоминаніе о дорогомъ человѣкѣ только еще болѣе растравитъ тяжелую сердечную рану. Прибѣгнемъ же за утѣшеніемъ къ Тому, Кто Самъ зывалъ: „Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѣ. XI, 28). Помолимся о „плачущихъ и болѣзнующихъ, чающихъ Христова утѣшенія“; помолимся о новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Іаковѣ, „о еже неосужденно предстати ему страшному престолу Господи славы“ и услышать отъ небеснаго Царя и Владыки радостное слово: „Добрѣ, рабе благій и вѣрній, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ти поставлю: вниди въ радость Господа твоего“ (Матѣ. XXV, 21). А ты, дорогой наставникъ, отходи въ вѣчное жилище, по добротѣ своей прости намъ тѣ огорченія, какія, по юношескому легкомыслію, мы иногда причивали тебѣ“.

По окончаніи отпѣванія гробъ съ останками Я. И. Туберозова былъ поднятъ почитателями усопшаго и въ преддесенія св. иконы, въ предшествіи воспитанниковъ семинаріи, духовенства съ о. ректоромъ семинаріи во главѣ, въ сопровожденіи народа, при стройномъ пѣніи „трисвятаго“, былъ вынесенъ изъ храма на восточную часть церковнаго двора, гдѣ предъ квартирою протоіеря И. М. Туберозова была совершена краткая литія. Отсюда печальная процессія чрезъ Сапожниковскій мостъ направилась къ зданію духовной семинаріи, гдѣ предъ параднымъ входомъ была отслужена краткая литія, а затѣмъ — къ зданію Маріинской женской гимназіи, гдѣ также совершенно было краткое молитвословіе. Послѣ сего гробъ поставили на катафалкъ, а на немъ, равно какъ и на сямомъ гробѣ, красиво размѣстили десять, возложенныхъ раньше, вѣнковъ съ приличными надписями (пять металлическихъ — отъ сестеръ усопшаго, сослуживцевъ по духовной семинаріи, сослуживцевъ по женской гимназіи, ученицъ женской гимназіи и Коммиссіи народныхъ чтеній, и пять изъ живыхъ цвѣтовъ — отъ родителей усопшаго, его братьевъ, учениковъ духовной семинаріи и двухъ частныхъ лицъ), и повезли чрезъ Красный мостъ на Аѳонское кладбище, куда направилась и большая часть лицъ, молившихся въ храмѣ о упокоеніи усопшаго. Здѣсь у могилы, приготовленной предъ алтаремъ церкви св. Аѳанасія Аѳонскаго, еще разъ совершена была краткая литія, еще разъ провозглашена была и пропѣта *вѣчная память*, и гробъ, вмѣщающій въ себѣ останки Я. И. Туберозова, опущенъ былъ въ могильный склепъ, который скоро сокрылъ его отъ взоровъ навсегда.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ-сослуживецъ, ревностный трудолюбецъ и благовліятельный наставникъ юношества! Везь сомнѣніи, вспомнись тебѣ добромъ и помолитесь о тебѣ и тѣ изъ бывшихъ твоихъ многочисленныхъ учениковъ, до которыхъ дойдетъ вѣсть о твоей кончинѣ; а тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ счастье предстать Престолу Божію, не забудутъ, конечно, при совершеніи безкровной жертвы, помянуть новопреставившагося бывшего своего наставника съ теплою молитвою ко Господу, да проститъ